CROSS-BORDER COOPERATION IN THE STRATEGY OF «REVITALIZATION» OF THE NORTH-EAST OF CHINA

Sergey K. Pestsov¹ (a), Andrei B. Volynchuk² (a)

(a) Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far-East,
Far- Eastern Branch of the RAS. Vladivostok, Russia

Abstract

Regional development governance has traditionally been one of the most important components of China's national policy. One of rather complex objects is northeastern China, which includes the provinces of Liaoning, Jilin and Heilongjiang, as well as the eastern parts of the autonomous regions of Inner Mongolia. This region was formed in the 1950s - 1960s as the first industrially developed region and the largest industrial base in the country. However, over the years of reforms, its position has noticeably deteriorated, and it has turned into a problematic periphery. The systemic policy of the Northeast reviving implemented by the Chinese government since 2003 attaches great importance, among many other measures, to the expansion of its external openness and the development of cross-border cooperation with the neighbors. This work examines the experience and results of cooperation between the provinces of the Chinese North-east and the regions of the Russian Far East. The results of the analysis show that, despite the not entirely satisfactory results of this cooperation, cross-border interactions remain important for China as a tool for stimulating the development of peripheral territories. Despite all the shortcomings, problems, and limitations of the specific cases of cross-border cooperation aimed at the "revitalization" of its northeastern periphery, China does not intend to limit the use or abandon this instrument. Moreover, the currently adopted Belt and Road Initiative (BRI) demonstrates a clear strengthening of ideas about the strategic value of border areas in China, as well as its perceptions of the prospects for cross-border interactions.

Keywords

State policy; governance; regional development; peripheral territories; Northeast China; the Russian Far East; economic growth; trans-frontier cooperation; cross-border collaboration

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

¹ Email: skpfox[at]yandex.ru

² Email: i-abv[at]yandex.ru

ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СТРАТЕГИИ «ОЖИВЛЕНИЯ» СЕВЕРО-ВОСТОКА КИТАЯ

Песцов Сергей Константинович¹ (а), Волынчук Андрей Борисович² (а)

(а) ФГБУН «Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока» ДВО РАН.
Владивосток, Россия

Аннотация

Управление региональным развитием традиционно выступает одним из основных компонентов общегосударственной политики Китая. В число наиболее важных и сложных объектов этой политики входит северо-восточный Китай, включающий провинции Ляонин, Цилинь и Хэйлунцзян, а также восточные части автономных районов Внутренней Монголии входит. Данный регион сформировался в 1950е – 1960-е годы в качестве первого индустриально развитого района и крупнейшей промышленной базы страны. Однако за годы реформ его позиции заметно ухудшились, а сам он превратился в проблемную периферию. Системная политика возрождения Северо-Востока, реализуемая китайским правительством с 2003 года, среди множества мер придает значение расширению его внешней открытости и развитию трансграничного сотрудничества с соседями. Данная работа рассматривает опыт и результаты сотрудничества провинций китайского Северо-Востока с регионами Дальнего Востока России. Результаты анализа показывают, что, несмотря на не вполне удовлетворительные итоги этого сотрудничества, трансграничные взаимодействия сохраняют для Китая значимость в качестве инструмента стимулирования развития периферийных территорий. Признавая отдельные недостатки, проблемы и ограничения конкретных кейсов трансграничной кооперации для «оживления» своей северо-восточной периферии, Китай, тем не менее, не намерен ограничивать использование или отказываться от этого инструмента. Более того, принятая ныне на вооружение Инициатива Пояса и Пути (BRI) свидетельствует о явном укреплении в Китае представлений о стратегической ценности приграничных районов, равно как и восприятия перспектив трансграничных взаимодействий.

Ключевые слова

Государственная политика; управление; региональное развитие; периферийные территории; Северо-Восточный Китай; российский Дальний Восток; экономический рост; трансграничная кооперация; приграничное сотрудничество

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

¹ Email: skpfox[at]yandex.ru

² Email: i-abv[at]yandex.ru

ВВЕДЕНИЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Учитывая размеры и географию Китая и роль регионов в содействии экономическому росту страны, можно утверждать, что управление региональным развитием традиционно выступает одним из важнейших компонентов общегосударственной политики развития. Региональное неравенство в качестве одной из наиболее острых проблем, требующих решения, было обозначено 9-м пятилетним планом (1996–2000 гг.). Сокращение разрыва в региональном развитии между востоком и западом, а также югом и севером, в качестве первоочередной задачи вновь была подчеркнута 11-м пятилетним планом (2006–2010 гг.). Эта задача сохранила свою значимость и в планах 12-й пятилетки (2011–2015), а в 13-м пятилетнем плане (2016–2020) цель формирования новой структуры для согласованного регионального развития с помощью реализации стратегий «Один пояс, один путь», «Согласованное развитие региона Пекин-Тяньцзинь-Хубэй» и «Развитие экономического пояса вдоль реки Янцзы» выступает одной из основных (Чжан Чжань, 2017, стр. 451).

Северо-восточный Китай (СВК), включающий провинции Ляонин, Цилинь и Хэйлунцзян, а также восточные части автономных районов Внутренней Монголии, является одним из наиболее важных и вместе с тем достаточно специфических объектов управления региональным развитием в Китае. Благодаря богатству природных ресурсов, уникальной истории развития и геополитическим отношениям с СССР, Северо-Восточный Китай возник в 1950–1960-е годы в качестве первого промышленно развитого региона и крупнейшей промышленной базы страны. Ранняя региональная индустриализация привела и к опережающему его социальному развитию. Основатель КНР Мао Цзэдун называл Северо-Восток «старшим сыном» страны, на чьих плечах, в соответствии с китайской традицией, лежит будущее семьи (Chan, 2019a). Однако за последние несколько десятилетий положение региона существенно ухудшилось, а сам он превратился в проблемную периферию.

Северо-Восточный Китай относится к числу приграничных регионов, которые часто определяются как «периферии периферий» из-за их удаленности от экономико-культурных центров, ограниченности рабочих мест и проблемных траекторий развития (Fehérvölgyi & Kaszás, 2014). Вместе с тем, как все чаще признается в последние годы, особенности их месторасположения создают и дополнительные уникальные возможности для развития подобных регионов. Благодаря трансграничному сотрудничеству международная среда способна превратиться в значимый ресурс такого развития. Однако, как пока-

зывает практика, ни наличие общей границы, ни готовность национальных правительств соседних государств к сотрудничеству часто не являются гарантией успеха трансграничной кооперации и, тем более, прогресса в развитии приграничных территорий. Новейшая история трансграничных взаимодействий на российско-китайской границе представляет в этом смысле весьма интересный пример, исследование которого позволяет лучше понять как общие закономерности данного феномена, так и его специфические их особенности в контексте современного приграничного сотрудничества России и Китая.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основным инструментом исследования трансграничного сотрудничества, позволяющим понять место и значение последнего в общей стратегии содействия подъему периферийного приграничья Китая, в данном случае выступает метод case-study. В самом общем виде он может быть охарактеризован как стратегия исследования, направленная на последовательное и детальное изучение одного объекта (случая) с помощью различных доступных способов сбора информации. «Случай» (“case”), как его определяет Д. Геринг, это пространственно ограниченный феномен, наблюдаемый в какой-то конкретный момент или на протяжении определенного времени (Gering, 2007, p. 19). Смысл исследования определяется возможностью выявления типичных свойств целого класса явлений или закономерностей того или иного процесса посредством детального изучения одного конкретного примера. В данной статье таким объектом выступает трансграничное сотрудничество как составной элемент стратегии управления региональным развитием Северо-Востока Китая, реализуемой совместными усилиями центрального правительства и местных властей с конца 1990-х годов до настоящего времени. Данный случай, как в силу протяженности российско-китайской границы, так и возможностей, открывающихся здесь благодаря стратегическому партнерству двух стран, может рассматриваться в качестве «значимого примера» (influential), представляющего интерес не только сам по себе, но и в контексте исследования более широкого «класса событий».

ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ПЕРИФЕРИИ КИТАЯ

Начало современному трансграничному сотрудничеству на российско-китайской границе, в самых простых его формах, было положено в конце 1980-х годов. В 1988–1989 годах ряд китайских городов (Хуньчунь, Мишань) и уездов (Жаохэ, Мохэ, Дуннин) получили право

осуществлять транзит грузов через свои пропускные пункты одновременно с расширением правительственных усилий, связанных с развитием инфраструктуры как самих этих пунктов, так и приграничных городов в целом (Иванов, 2009а, стр. 53). Тем не менее, в это время Пекин не относил связи с приграничными территориями России к числу приоритетных и не придавал им большого значения ни с точки зрения собственного развития, ни в плане перспектив экономической интеграции в Северо-Восточной Азии (Ларин, 2008, стр. 24).

С начала 1990-х годов ситуация постепенно меняется. В 1991 году Госсовет КНР принимает «Уведомление в отношении предложений по укреплению и процветанию приграничных районов посредством активного развития приграничной торговли и экономического сотрудничества». Идею «возрождения границ посредством торговли» в этом документе предполагалось реализовать путем экспериментального предоставления приоритетных прав на ведение приграничной торгово-экономической деятельности нескольким пилотным приграничным городам (Маньчжоули, Хуньчунь, Хэйхэ и Суйфэньхэ). Основной формой организации такой деятельности на их территории должно было стать создание зон приграничного экономического сотрудничества (ЗПЭС). Дальнейшие шаги в развитии приграничного экономического сотрудничества были определены очередным документом Госсовета КНР «Уведомления по вопросам приграничной торговли», принятым в 1996 году. Основное значение в нём придавалось созданию зон взаимной торговли («хуши маои цюй») на приграничных территориях с целью стимулирования и дальнейшего упорядочивания торговой деятельности. На китайско-российской границе было создано 12 подобных районов, из них 10 находились в основных городах и уездах провинции Хэйлунцзян (Иванов, 2009а, стр. 54).

Вся эта активность развивалась на фоне все более громких призывов к оживлению северо-востока в 1990-е годы, совпадавших с попытками тогдашнего премьера Чжу Жунцзи создать условия для реформирования обремененных долгами государственных предприятий, составлявших индустриальный костяк региона. Однако переход к подлинно системной политике возрождения СВК, опирающейся на осознание специфики данной задачи для региональной политики по сравнению с отсталыми западными провинциями, произошел в 2003 году с одобрением Государственным советом КНР «Мнения по реализации стратегии омоложения старых промышленных баз в северо-восточном Китае». В качестве одного из важных направлений усилий в рамках программы оживления Северо-Востока этот документ рассматривал расширение открытости для внутренних и зарубежных

рынков. Развитие приграничного с Россией пояса открытости и усиления, связанные с реформированием традиционных секторов экономики Северо-Востока, были объединены в рамках единой стратегии.

В ходе инспекционной поездки в провинцию Цзилинь в 2004 году членом Постоянного комитета Политбюро и вице-премьером КНР Ван Цзюем было заявлено, что стремление оживить северо-восток – это «наше знамя» и «международное знамя» (Lisheng, 2005, p. 8). То, чего не хватает региону в жизненно важных элементах производства, как было особо подчеркнуто, он должен восполнять, используя внешние ресурсы для собственного развития. Открытость с доминированием правительства, по мнению Ван Цзюя, должна быть заменена совместным участием правительства и общественных сил, а само пространство открытости должно быть расширено от производственного сектора до всех отраслей – от сельского хозяйства до сферы услуг, а также до областей науки и техники, образования, культуры и здравоохранения. Неудивительно, что вслед за этим руководство всех трех северо-восточных провинций объявило о своем намерении совершенствовать методы привлечения иностранных инвесторов, добиваясь, чтобы их территории превратились в привлекательное место для зарубежных капиталов, и, поощряя местные предприятия, расширять свою деятельность за рубежом. При этом подчеркивалась необходимость развития трансграничной торговли с Россией, Японией, Южной Кореей, Северной Кореей и Монголией (Lisheng, 2005).

В силу географической близости и значительной протяженности совместной границы именно Россия превращалась в одного из наиболее важных партнеров для Северо-Востока КНР. С середины 2000-х годов взаимодействие северо-восточных провинций Китая с сопредельными территориями российского Дальнего Востока постепенно стало набирать обороты. Расширялись двусторонние контакты, с участием всех ветвей власти, не только на высшем, но и на региональном уровне. Росло число туристических обменов и торговых связей. В 2008 году торговый оборот с Россией одной только провинции Хэйлунцзян составлял уже около 11 млрд. долл. США. И если доля России во внешнеторговом обороте провинции равнялась 48,3%, то для приграничных городов китайской провинции этот показатель достигал 91,3%. Китай к этому времени вошел в тройку основных торговых партнеров Дальнего Востока России, с оборотом, превышающим 4,85 млрд. долл. США, что составляло 21,2% от общей стоимости товарооборота региона (Иванов, 2009b, стр. 134–135).

На восточном участке российско-китайской границы действовало 24 контрольно-пропускных пункта (КПП), 19 из которых располага-

лись в Дальневосточном федеральном округе, 5 – в Читинской области, из них 2 железнодорожных, остальные – речные и автомобильные. Китайская сторона вкладывала значительные инвестиции в модернизацию КПП и расширение их пропускной способности: к середине 2008 года только провинцией Хэйлунцзян на эти цели было потрачено 110 млн. юаней. Не меньший интерес с ее стороны проявлялся и к развитию инфраструктуры, позволяющей расширить доступ к российским территориям, вдоль всей линии границы.

Еще в 1995 году между РФ и КНР было подписано первое межправительственное соглашение о совместном строительстве автомобильного и железнодорожного моста через р. Амур в районе приграничных городов – китайского Хэйхэ и российского Благовещенска. В октябре 2008 года стороны подписали соглашение о строительстве железнодорожного моста Тунцзян – Нижнеленинское через Амур, с предполагаемым его завершением в 2009–2011 годах. Активно продвигались китайской стороной и разного рода проекты по созданию районов сотрудничества на российско-китайской границе, таких как торгово-промышленные комплексы Суйфэньхэ – Пограничный, Дуннин – Полтавка и Маньчжоули – Забайкальск.

В сентябре 2009 года Президентом РФ Д.А. Медведевым и председателем КНР Ху Цзиньтао была подписана Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009–2018 годы, призванная стать документом, определяющим характер и цели двустороннего межрегионального экономического сотрудничества на предстоящее десятилетие (Программа сотрудничества, 2009). На момент подписания она включала 205 ключевых проектов: 94 относились к российской территории, 111 – к китайской. Российской стороной были предложены проекты, преимущественно связанные с освоением природных ресурсов, частично – проекты несырьевых производств, а также строительство и реконструкция пунктов пропуска через границу и сопутствующей инфраструктуры, необходимой для резко возрастающего вывоза российского сырья и ввоза китайских товаров. Запланированы были и проекты сотрудничества с КНР в области ведения сельского хозяйства на российской территории с китайским участием. На территории КНР китайскими партнерами предполагалось создание главным образом предприятий обрабатывающей промышленности, в том числе в сфере высоких технологий, продукция которых должна была производиться в основном из российского сырья (Муратшина, 2017).

Неутешительные итоги выполнения этой программы были подведены на заседании межправительственной комиссии по сотрудниче-

ству Северо-Востока Китая и Дальнего Востока и Байкальского региона России в сентябре 2017 года, на котором сторонами было принято решение о разработке нового подхода трансграничного сотрудничества. В рамках завершившейся программы стороны не сумели добиться многого. Китайская сторона не скрывала своего разочарования тем, что Россия реализовала лишь небольшую часть из более чем двухсот проектов Программы, что привело к значительным экономическим потерям Китая. Особенно сильно это сказалось на провинции Хэйлуцзян, которая ранее рассматривала эту программу как выгодный шанс на экономическое омоложение за счет интеграции с российским Дальним Востоком. В начале экономических реформ, когда Пекин попарно объединил свои пограничные провинции с соседними странами, руководство Хэйлуцзяна рассчитывало на исключительное право на экономическую интеграцию с российским Дальним Востоком.

Провал этой программы, по общему мнению, во многом был связан с тем, что она представляла собой интеграционный проект, навязанный «сверху», при отсутствии местных экономических стимулов у российской стороны. Программа разрабатывалась в ситуации недостатка необходимой коммуникации между центром и регионом, что привело к созданию документа, включающего случайный набор непоследовательных проектов, в котором мало внимания уделялось реальным механизмам финансирования и реализации. Кроме того, Россия и Китай, по сути, не договорились о характере экономического сотрудничества, результатом чего стали две дорожные карты: российская, по которой Россия экспортирует промышленные товары в Китай, и китайская, в которой Россия экспортирует только сырье для поддержки современной индустриализации Китая. Так, например, железнодорожному мосту через Амур (Тунцзян – Нижнеленинское) отводилась ключевая роль в китайской дорожной карте. Однако китайские партнеры рассматривали этот объект транспортной коммуникации исключительно как элемент обеспечивающей инфраструктуры, специализированной только на импорт сырья из России – железной руды, угля, нефти, газа, минеральных удобрений, пиломатериалов и др. Соответственно, как считают некоторые наблюдатели, у России не было особых мотивов форсировать строительство своей части моста (Christoffersen, 2019).

В ходе очередного Восточного экономического форума (ВЭФ) в сентябре 2018 года Китай и Россия подписали новое соглашение – Программу развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Рос-

сийской Федерации (2018 – 2024 годы). В сравнении с предыдущими, эта новая Программа менее масштабна и амбициозна. В ней отсутствуют признаки серьезных намерений по экономической интеграции между Северо-Востоком Китая и Дальним Востоком России. Она в большей степени ориентирована на потребности российского Дальнего Востока в инвестициях. Провинции Хэйлунцзянь, в соответствии с ней, предлагается выгода от развития международных транспортных коридоров, которые должны стимулировать экспорт Хэйлунцзяна на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона. Первый – это «Приморье-1» (Харбин – Муданьцзян – Суйфэньхэ – Пограничный – Уссурийск – Владивосток / Находка). Другой коридор «Приморье-2» (порт Чанчунь – Цилинь – Хуньчунь – Зарубино) должен принести пользу провинции Цилинь, предоставив Хуньчуню доступ к российскому морскому порту.

Некоторые китайские экономисты, после подписания Программы на 2018–2024 годы, довольно критично прокомментировали политику своего руководства в отношении трансграничного сотрудничества. Недостатком этой политики, по их мнению, является очевидное нежелание отвести Хэйлунцзяну ведущую роль в китайско-российской торговле. По их мнению, провинции должно быть разрешено создать новую приграничную торговую зону с российским Дальним Востоком, учитывая его близость к российской границе. Хотя в 2013 году Государственный совет Китая принял соответствующее решение, оно так и не было реализовано. Фактически, утверждали они, китайское государство не оказало провинции Хэйлунцзян необходимой политической поддержки по сравнению с провинцией Ляонин, где действует несколько зон свободной торговли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За последние 40 лет совокупный вклад трех северо-восточных провинций в национальную экономику сократился более чем вдвое: с 17%, когда Китай открылся в 1978 году, до 10% в 2004 году (Weiss, 2006) и 6,3% в 2018 году (Chan, 2019a). Чрезмерная эксплуатация ресурсов для удовлетворения растущего внутреннего спроса за это время привела к истощению резервов и нанесла ущерб их общему развитию (Weiss, 2006). Экономики Ляонина, Цилиня и Хэйлунцзяна в 2018 году росли с темпом от 4,5 до 5,7%, значительно отставая от общенационального показателя в 6,6%. Государственные предприятия провинций также списали в долг более 2 трлн. юаней, что составляет значительную часть их активов в 2,7 трлн. юаней (Chan, 2019b).

Эффективность трансграничного сотрудничества как одного из инструментов, потенциально способных содействовать «оживлению» северо-восточной периферии, с течением времени начинает рассматриваться в Китае со все большим скепсисом. Прогресс российско-китайской трансграничной кооперации даже в самых простых ее формах выглядит далеко не очевидным. В 2018 году объем торговли российского Дальнего Востока «составил только 87,6% от уровня 2013 года, причем импорт региона сократился почти вдвое, составив 51,5% от уровня 2013 года. Несмотря на все разговоры о важности приграничных связей с Китаем и связанные с этим многочисленные решения и программы, доля ДВФО в общем объеме российско-китайской торговли снизилась с 13,8% в 2013 году до 9,9% в 2018 году. Объем прямых инвестиций из КНР в ДВФО на 1 января 2019 года составил 619 млн. долл., что составило 16,9% от объема прямых китайских капиталовложений в РФ и всего лишь 0,9% от общего объема ПИИ в ДВФО». (Ларин, Ларина, 2020, стр. 13-15). Реализация необходимых для полноценной приграничной кооперации инфраструктурных объектов часто тормозится, а проекты по их созданию переходят из одного программного документа в другой.

Тем не менее, несмотря на все недостатки, проблемы и ограничения предшествующих усилий по использованию возможностей конкретных кейсов трансграничной кооперации для «оживления» своей северо-восточной периферии, Китай не намерен ограничивать использование или отказываться от этого инструмента. Более того, принятая ныне на вооружение Инициатива Пояса и Пути (BRI) свидетельствует о явном укреплении в Китае представлений о стратегической ценности приграничных районов, равно как и восприятия перспектив трансграничных взаимодействий. Приграничные районы Китая все больше получают признание как новые окна для открытия иностранных рынков; новые основы для экономического роста во внутренних районах; хабы для внешней торговли, транспорта и логистики; объекты трансграничной инфраструктуры; испытательные стенды для мер финансового сотрудничества, включая интернационализацию юаня. В планах BRI особо подчеркивается роль сопредельных районов в экономическом сотрудничестве между соседними странами, включая урегулирование таможенных правил, содействие локальной торговле и электронной коммерции, расширение промышленной кооперации в приграничных (Border Economic Cooperation Zones – BECZ) и трансграничных (Cross-Border Economic Cooperation Zones - CBECZ) зонах совместной хозяйственной деятельности, а также создание трансграничной инфраструктуры. Среди различных проектов, направленных

на развитие трансграничных экономических взаимодействий между Китаем и соседними странами, в настоящее время активно продвигается создание CBECZ в качестве платформ индустриальной и логистической интеграции, строительства межгосударственных транспортных и энергетических сетей.

До последнего времени приграничное торговое и промышленное сотрудничество Китая развивалось главным образом через BECZ. Теперь новой платформой для сотрудничества с соседними странами в приграничных районах Китая становятся CBECZ. Они могут быть определены как трансграничные особые экономические зоны, которые расширяются на территорию соседних стран из существующей BECZ, совместно создаваясь и управляясь Китаем и соседними странами. Эти зоны имеют смысл не только с точки зрения расширения размеров экономических зон и масштабов сотрудничества, но также и в качестве испытательных стендов для экономической интеграции между двумя странами. С момента инициации BRI на территории Китая начаты работы по созданию 11 CBECZ, 5 из которых расположены на северо-востоке, а 6 – на юго-западе. В настоящее время одной из немногих, официально ратифицированных Китаем и соседними странами CBECZ, является Китайско-Казахстанский центр международного приграничного сотрудничества Хоргос (Центр Хоргос), созданный в приграничном регионе между Китаем и Казахстаном (Sang, 2018, p. 3). Вместе с тем чрезмерный активизм Китая часто превращается в препятствие, порождая у его соседей опасения, связанные с неэквивалентностью выгод трансграничного сотрудничества и угрозами китайской экономической экспансии.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-514-93004.

Список литературы

- Chan, E. (2019, May 6). *China's Northeastern Rust Belt Was Once «Eldest Son», Now Struggling as Runt of the Litter*. Retrieved from <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3008778/chinas-northeastern-rust-belt-was-once-eldest-son-now>
- Chan, E. (2019, May 9). *China's Rust Belt Starting to Shine with New Economy Firms, But the Prosperous South Still Leads the Way*. Retrieved from <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3009396/chinas-rust-belt-starting-shine-new-economy-firms-prosperous>

- Christoffersen, G. (2019, June 19). *Chinese Northeast-Russian Far East Regional Cooperation: Old and New Programmes*. Retrieved from <https://theasiadialogue.com/2019/06/19/chinese-northeast-russian-far-east-regional-cooperation-old-and-new-programmes/>
- Fehérvölgyi, B. & Kaszás, N. (2014). Success Factors in the Cross-Border Region - Regional Project Again Brain Drain. In *Human Capital without Borders: Knowledge and Learning for Quality of Life. Management, Knowledge and Learning. International Conference. June 2014* (pp. 25-27). Portoroz, Slovenia.
- Gering, J. (2007) *Case Study Research. Principles and Practices*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lisheng, D. (2005). China's Drive to Revitalise the Northeast. *China Perspectives*, 58. Retrieved from <https://journals.openedition.org/chin perspectives/462>
- Sang, B. H.. (2018) China's BRI and Cross-Border Economic Cooperation: Status and Implications for Korea. *KIEP Opinions*, 28, 1-5.
- Weiss, J. (2006). Development in North East People's Republic of China. *ADB Research Policy Brief*, 19. Retrieved from <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/157262/adb-rpb19.pdf>
- Иванов, С.А. (2009b). Корреляция программ развития Дальнего Востока России и возрождения Северо-Востока Китая: проблемы и перспективы. *Вестник ДВО РАН*, (5). 132-139.
- Иванов, С.А. (2009а). Формирование приграничного с Россией пояса открытости КНР. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, (3), 52–59.
- Ларин, В.Л. & Ларина, Л.Л. (2020). Экономические отношения Тихоокеанской России с Китаем: между установками, желаниями и действительностью. *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*, 1(90), 5–23.
- Ларин, В.Л. (2008). Межрегиональные отношения России и Китая в начале XXI в. *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*, 3(44), 22–39
- Муратшина, К.Г. (2017). Программа сотрудничества регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири и Северо-Востока КНР на 2009-2018 гг. в российско-китайском трансграничном взаимодействии: значение, эволюция и риски. *Вестник Томского государственного университета*, (417), 110–120.
- Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг.* (18 июня 2010). Retrieved from <https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjb/zzjg/dozys/dqzzywt/t709788.shtml>
- Фаляхов, Р. (16 декабря 2009). «Может завалиться»: трудная судьба моста через Амур в Китай. Retrieved from <https://www.gazeta.ru/business/2019/12/16/12868772.shtml>
- Чжан, Ч. (2017). Проблема неравенства в Китае в контексте устойчивого развития. *Вестник РУДН. Серия: Политология*, 19(4), 448–453.

References

- Chan, E. (2019, May 6). *China's Northeastern Rust Belt Was Once «Eldest Son», Now Struggling as Runt of the Litter*. Retrieved from <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3008778/chinas-northeastern-rust-belt-was-once-eldest-son-now>
- Chan, E. (2019, May 9). *China's Rust Belt Starting to Shine with New Economy Firms, But the Prosperous South Still Leads the Way*. Retrieved from <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3009396/chinas-rust-belt-starting-shine-new-economy-firms-prosperous>
- Christoffersen, G. (2019, June 19). *Chinese Northeast-Russian Far East Regional Cooperation: Old and New Programmes*. Retrieved from <https://theasiadialogue.com/2019/06/19/chinese-northeast-russian-far-east-regional-cooperation-old-and-new-programmes/>
- Falyakhov, R. (December 16, 2009). "May Fail": The Difficult Fate of the Bridge over the Amur to China. Retrieved from <https://www.gazeta.ru/business/2019/12/16/12868772.shtml> (In Russian)
- Fehérvölgyi, B. & Kaszás, N. (2014). Success Factors in the Cross-Border Region - Regional Project Again Brain Drain. In *Human Capital without Borders: Knowledge and Learning for Quality of Life. Management, Knowledge and Learning. International Conference. June 2014* (pp. 25-27). Portoroz, Slovenia.
- Gering, J. (2007) *Case Study Research. Principles and Practices*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ivanov, S.A. (2009b). Correlation of programs for the development of the Russian Far East and the revival of the North-East of China: problems and prospects. *Vestnik FEB RAS*, (5). 132-139. (In Russian)
- Ivanov, S.A. (2009a). Formation of the PRC openness belt bordering Russia. *Ecumene. Regional studies*, (3), 52–59. (In Russian)
- Larin, V.L. & Larina, L.L. (2020). Economic Relations of Pacific Russia with China: Between Attitudes, Desires, and Reality. *Customs policy of Russia in the Far East*, 1(90), 5–23. (In Russian)
- Larin, V.L. (2008). Interregional relations between Russia and China at the beginning of the XXI century. *Customs policy of Russia in the Far East*, 3(44), 22–39(In Russian)
- Lisheng, D. (2005). China's Drive to Revitalise the Northeast. *China Perspectives*, 58. Retrieved from <https://journals.openedition.org/chinaperspectives/462>
- Muratshina, K.G. (2017). The program of cooperation between the regions of the Far East and Eastern Siberia and the North-East of the PRC for 2009 - 2018 in Russian-Chinese cross-border interaction: significance, evolution and risks. *Bulletin of Tomsk State University*, (417), 110–120. (In Russian)
- Programme of cooperation between the regions of the Far East and Eastern Siberia of Russia and North-East China for 2009-2018*. (June 18, 2010). Retrieved from

<https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjb/zzjg/dozys/dqzzywt/t709788.shtml> (In Russian)

Sang, B. H.. (2018) China's BRI and Cross-Border Economic Cooperation: Status and Implications for Korea. *KIEP Opinions*, 28, 1-5.

Weiss, J. (2006). Development in North East People's Republic of China. *ADB Research Policy Brief*, 19. Retrieved from <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/157262/adbi-rpb19.pdf>

Zhang, Zh. (2017). The problem of inequality in China in the context of sustainable development. *Bulletin of RUDN. Series: Political Science*, 19(4), 448–453. (In Russian)